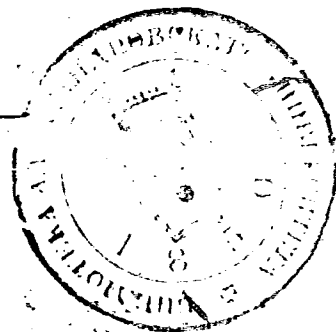

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ СХVІІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЮСАФАТА ОГРИЗКО.

1868.

бѣдою убѣдительно доказываетъ, что все, совершаемое наперекоръ этимъ законамъ, разрушаетъ и потрясаетъ благосостояніе, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ организмовъ и что напротивъ, старательное и неизмѣнное соблюденіе и повиновеніе этимъ законамъ обезпечиваетъ и увеличиваетъ это благосостояніе. Въ общественномъ организмѣ народовъ происходитъ то же, что и въ человѣческомъ организмѣ. Малѣйшее поврежденіе одной части или одного органа болѣе или менѣе влечетъ за собою страданіе и болѣзнь цѣлаго организма; между тѣмъ какъ ненарушимое и законосообразное взаимодействіе всѣхъ частей организма одаряетъ человѣческое тѣло обиліемъ здоровья.

Кромѣ этихъ сочиненій, обнимающихъ предметъ во всей его совокупности, новѣйшая нѣмецкая политико-экономическая литература представляетъ множество другихъ сочиненій, относящихся къ различнымъ отдѣламъ науки, какъ напр. сочиненіе Рошера «Die deutsche National-Ökonomik an der Gränzscheide des 16 und 17 Jahrhunderts», Данкварта «Nationalökonomisch-juristische Studien», Бемерта «Beiträge zur Geschichte des Zunftwesens» и др. Нельзя также не упомянуть о новомъ сочиненіи Маурера «Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hofverfassung in Deutschland», составляющемъ важное приобрѣтеніе не только для исторіи, но и для политической экономіи.

Берлинъ, 23/12 марта 1863 года.

3) Кандидата А. Веселовскаго.

Въ эти три мѣсяца я продолжалъ заниматься провансальскимъ языкомъ въ связи съ исторіей литературы; главнымъ занятіемъ дома было чтеніе Эдды и вопросъ о германскомъ героическомъ эпосѣ. Работа сосредоточилась преимущественно дома, потому что здѣсь лучше работалось и лекціи представляли мало интереснаго.

Со времени изданія Дидомъ его сочиненій о поэзіи и жизни трубадуровъ (Poesie der Troubadours. 1826 г. Leben und Werke der Troubadours 1829) и Ренуаровскаго словаря, по провансальской литературѣ сдѣлано мало замѣчательнаго. Издано нѣсколько новыхъ текстовъ Беккеромъ, Барчемъ, Гофманомъ, Келлеромъ, Гессаромъ, Маномъ, Фр. Мишелемъ, Саксомъ; но еще многое остается нетронутымъ, а многое издано такъ, что требуетъ новой повѣрки. Всего болѣе нуждается въ этомъ текстъ трубадуровъ. Рукописи

разсѣяны въ библіотекахъ Франціи, Италіи и Англіи; издатели большею частью принуждены были ограничиться какимъ нибудь однимъ, двумя изводами и по нимъ составляли сводный текстъ. Такимъ образомъ многое оставалось темнымъ и непонятнымъ, что при знакомствѣ съ бѣльшимъ числомъ рукописей объяснилось бы само собою изъ разности чтеній. Еще хуже бывало, когда эти темныя и непонятныя мѣста издатель позволялъ себѣ комментировать и вносить въ лексиконъ, не справившись порядкомъ, точно ли лежитъ эта темнота и непонятность въ самомъ словѣ, а не въ неполнотѣ критическаго аппарата. Этимъ недостаткомъ отличаются изданія Барча. Въ словарь приложенномъ къ Peire Vidal's Lieder, можно найти совершенно не романское слово *neis* — *leugnen* (*Beus rose dir ses tot neis*), которое рукописи, бывшія у меня подъ руками, дѣлаютъ лишнимъ, читая: *beus rose dir ses torneis*. Такимъ же путемъ сказочное *nelenquir* - *vernachlässigen* (будто бы отъ *negligere*) обращается въ общепонятное *relenquir*-*relinquere*. Изданіе иѣсенъ Бергедана Келлеромъ кишитъ подобными ошибками. Отсюда можно заключить, что провансальская лексикографія недалеко ушла отъ критическаго изданія текстовъ: одно съ другимъ связано неразрывно. Возстановленіе лексикона забытаго языка идетъ всегда ощупью, смыслъ слова угадывается сначала изъ общаго содержанія фразы, онъ крѣпнетъ и упрочивается чѣмъ болѣе текстовъ перебивается въ рукахъ составителя; сильнымъ подспорьемъ бываетъ, если между текстами есть переводы, которыхъ оригиналы сохранились и есть возможность сравненія. Рошгюдъ всего чаще ссылается на провансальскій переводъ Бэды и священнаго писанія.

Но ни Рошгюдъ, ни Ренуаръ не имѣли подъ руками достаточнаго количества текстовъ, чтобы всегда точно установить значеніе слова и въ большей части случаевъ не угадать его по одной аналогіи. Послѣдующіе ученые не много принесли новаго, хотя за ними уже стояла грамматика Дидца, прочно опредѣлившая организмъ романскаго слова и расширившая предѣлы аналогіи. Ренуаръ еще вѣрилъ, что провансальскій языкъ родоначальникъ всѣхъ романскихъ нарѣчій.

Все это пока о состояннн матеріальной части провансальской литературы. Прибавимъ къ этому, что отдѣлъ прозы, впрочемъ небогатый, остается почти вовсе нетронутымъ, если исключить немногіе отрывки, помѣщенные у Барча; что сочиненія Вальдеисовъ издавались пока только въ приложеннн къ многочисленнымъ исто-

рѣямъ секты, а *Breviari d'amor* напечатанъ только въ отрывкахъ Ренуаромъ, Маномъ и Савсомъ. Между тѣмъ извѣстно, какой значительный интересъ представляетъ въ исторіи образованія эта оригинальная литература, стоящая на границѣ народнаго повѣрья и схоластической науки, мѣшающая народный заговоръ съ тератологіей Востока, литература *Tesoro*, лудидаріевъ, лечебниковъ и букварей. Ея провансальскіе первообразы тѣмъ болѣе важны для насъ, что здѣсь впервые крайній Западъ сошелся съ Востокомъ и черезъ него познакомился съ древней Греціей. Срединное положеніе Прованса, гдѣ шло и расходилось столько вліяній, опредѣляетъ его мѣсто въ исторіи южно-европейской литературы.

Изъ школы трубадуровъ вышла искусственная лирика Италіи, Испаніи, Франціи, отчасти нѣмецкихъ миннезингеровъ. Этимъ объясняется, почему я позволилъ себѣ остановиться на ней особенно долго.

Такимъ образомъ, несмотря на наше уваженіе къ нѣмецкой издательской дѣятельности и къ *varietas lectioum*, та и другая остаются намъ пока въ ожиданіи. Отъ французскихъ ученыхъ ожидать нечего; всѣмъ извѣстно, что романская наука стоитъ въ Германіи несравненно выше, чѣмъ въ какой либо романской странѣ; наконецъ французскіе ученые обращены почти исключительно къ собственной старинѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ императорское правительство закрѣпостило за собой археологію и рыцарскій романъ. Въ настоящее время берлинское общество изученія иностранныхъ языковъ отправило на свой счетъ доктора Грюцмахера осмотрѣть итальянскія и французскія бібліотеки съ цѣлью ближе познакомиться съ провансальскими рукописями*). При помощи ожидаемыхъ отъ него матеріаловъ и значительнаго числа списковъ съ рукописей, собранныхъ докторомъ Маномъ, можно надѣяться, что изученіе провансальскихъ текстовъ подвинется впередъ и вмѣстѣ съ нимъ изученіе литературы.

Я сказалъ, что послѣ извѣстныхъ трудовъ Дица ничего новаго въ этомъ отношеніи не появлялось. О книгахъ Симонди, *de Roisin*,

*) Одинъ анекдотъ изъ частнаго письма, характеризующій католическія отношенія къ наукѣ: когда Грюцмахера допустили работать въ Ватиканъ, одинъ кардиналъ выразилъ ему свое скромное желаніе, чтобы все скандальное, находящееся въ стихотвореніяхъ трубадуровъ, не было напечатано! Такими же строго-нравственными требованіями руководились, какъ извѣстно, Millot, Ренуаръ и отчасти Фориэль. Грубости нѣмецкихъ ученыхъ мы одолжены тѣмъ, что знаемъ только одну и обратную сторону медали.

Бринкмейера, Closset можно, я думаю, и не говорить, особенно о двухъ послѣднихъ. Mila у Fontanals занялся исключительно испанскими трубадурами. Мы нарочно цитовали не въ хронологическомъ порядкѣ, чтобы имѣть возможность сказать нѣсколько словъ о книгѣ Форіэля: *Histoire de la poésie provençale*, 3 т. 1846. Это, собственно говоря, не ученый трудъ, написанный для печати, защищенный цитатами, заранее готовый на возраженія. Два годичныхъ курса, читанныхъ въ Парижѣ, нашлись въ бумагахъ покойнаго профессора, сшиты вмѣстѣ, урѣзаны, дополнены и вышла книга, носящая въ себѣ всѣ недостатки и всѣ преимущества живой устной рѣчи. Недостатокъ въ ученomъ аппаратѣ, въ неточности переводовъ и цитатъ. Безъ всего этого можно было обойтись на французской кафедрѣ; слышанное на лету не легко запомнить и повѣрить; можетъ быть, оттого переводы сдѣланы небрежно, схватывая только общій смыслъ подлинника, какъ будто по памяти. При этомъ авторъ постоянно раскланивается съ слушателями, увѣряетъ, что никакой переводъ не въ силахъ передать подлинника, обѣщаетъ перевести только тѣ строфы, которыхъ смыслъ ему понятенъ, но и съ этими строфами поступаетъ такъ, что могъ бы и отъ нихъ отказаться. Злые языки говорятъ, что онъ плохо зналъ провансальскій языкъ; во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что имѣя подъ руками сокровища парижской библиотеки, онъ почти не пользовался ими и въ лирическомъ отдѣлѣ не пошелъ далѣе Ренуаровскаго изданія. Всѣ эти недостатки, объяснимые отчасти самымъ происхожденіемъ книги, уравниваются широкой манерой, которая такъ свойственна Форіэлю: широко набрасываются краски, раздвигаются вдаль рамки изслѣдованія и въ противоположность нѣмецкой мысли, углубляющейся въ почву, его мысль движется по землѣ, завоеывая далекіе страны и народы. Это ужъ французская завоевательная система. Исторія провансальской литературы, нѣсни новыхъ грековъ, исторія южной Галліи — все это только обрывки одного громаднаго цѣлага, которому не суждено было осуществиться. Въ средоточіи его стоялъ Провансъ съ его галльскою національностью, его классическими преданіями и борьбой съ Востокомъ во главѣ всего романскаго юга. Провансъ — представитель всей романской Европы; онъ разсылаетъ по ней своихъ трубадуровъ, циклы романовъ о Карловингахъ, о королѣ Артурѣ и хранителяхъ св. Граля и въ лицѣ Вальтера Аквитанскаго заявляетъ свой внутренній антагонизмъ съ германскимъ сѣверомъ. Какъ видно, это та же система Ренуара, перенесенная

изъ грамматики на почву исторіи. Та и другая подвергались нареканіямъ и теперь оставлены; въ настоящее время никто не вѣритъ въ исключительную филиацію южныхъ романтическихъ сказаній съ провансальскимъ вымысломъ. Правда, Форіэлю еще не были извѣстны изслѣдованія Вильмарке о кельтскомъ эпосѣ, но во всякомъ случаѣ ему слѣдовало обратить болѣе серьезное вниманіе на запутанный вопросъ. Онъ рѣшаетъ его очень категорически, не смущаясь отсутствіемъ данныхъ. «Говорятъ, что есть валлійскія народныя сказки, въ которыхъ Артуръ играетъ совсѣмъ другую роль, чѣмъ въ триадахъ и въ поэзи бардовъ. Эти сказки мнѣ неизвѣстны; судя по нѣкоторымъ приведеннымъ отрывкамъ, король Артуръ является въ нихъ окруженный чудеснымъ, но это чудесное болѣе мифологическаго, чѣмъ романическаго свойства». За тѣмъ всякая связь между кельтскою сказкою и романами такъ называемаго кельтскаго цикла насильственно разрывается и послѣдніе лишены всякой народной основы. «Critico eminente, aunque algo sistematico» отзывается о Форіэлѣ Милѣ у Fontanals. Ошибка лежитъ въ системѣ, а система въ широкой манерѣ.

Дицъ не брался за исторію провансальской литературы. Его «Поэзія трубадуровъ» вращается преимущественно вокругъ вопросовъ о родахъ и видахъ и внутреннемъ устройствѣ поэтической производительности. «Биографіи трубадуровъ» говорятъ сами за себя. Форіэль задумалъ исторію литературы на обширныхъ основаніяхъ; подробно говоритъ о культурныхъ началахъ южной жизни и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на эпосѣ, на который Дицъ могъ дать только библиографическія указанія. Вторая половина втораго тома и большая часть третьяго посвящены исключительно провансальскому эпосу; изъ перваго тома сюда относятся главы объ Эддѣ, Нибелунгахъ и подробный разборъ Вальтера Аквитанскаго. Выше я указалъ въ немногихъ чертахъ, какимъ образомъ Форіэль отнесся къ главнымъ сторонамъ эпическаго вопроса. Здѣсь намъ особенно интересно остановиться на лирическомъ отдѣлѣ, которому отведена лишь небольшая часть его книги. Отличія французской и нѣмецкой науки рѣзко бросаются въ глаза. Между изданіями Дица и Форіэля прошло 15 — 20 лѣтъ, между тѣмъ Дица какъ будто не существовало, или онъ существуетъ, чтобъ была возможность сдѣлать на него общую ссылку и не воспользоваться его результатами. Какъ осторожно, методически обрабатывается Дицъ съ скуднымъ матеріаломъ, бывшимъ у него подъ ру-

ками, такъ нецеремонно съ нимъ обращеніе Форіэля: быстро сортируются трубадуры по родамъ поэзи, переиначивается смыслъ ихъ рѣчей, чтобъ удобнѣе было слушать французскому уху, а что грамматика отъ того страдаетъ, въ томъ никому дѣла нѣтъ. Многія стихотворенія размѣщены иначе, чѣмъ у Дица. Противъ этого нечего сказать, когда въ самихъ стихотвореніяхъ недостаетъ хронологическихъ указаній и всякому предоставлено руководиться своимъ собственнымъ чутьемъ. См. біографія Peire Vidal'я у Дица и Барча. Но тамъ, гдѣ есть твердыя данныя расположить факты такъ а не иначе, тамъ, разумѣется, нѣтъ мѣста произволу и критика Дица стоитъ головой выше критики французскаго ученаго. Обращаемъ вниманіе на біографію Бернара де-Вентадуръ у того и другаго. Тутъ можно найти у Форіэля, что Бернаръ пребывалъ въ Нормандіи у герцогини Элеоноры въ такое время, когда ея не было въ Нормандіи и она сидѣла на англійскомъ престолѣ. Обсчитавшись разъ, онъ потомъ всюду опаздываетъ. Разумѣется, это мелочныя ошибки, которыя не исключаютъ живаго пониманія цѣлаго, хотя ~~и~~ пониманію сильно мѣшала провансальская гипотеза. Надо видѣть, какихъ усилій стоитъ автору сдѣлать на сколько возможно вѣроятнымъ провансальское происхожденіе нѣмецкаго Персеваля. Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ указываетъ на Гийо *провансальца*, какъ на того, кто нашелъ эти приключенія написанными на языкѣ невѣрныхъ и рассказалъ ихъ по *французски*. Но самый романъ Вольфрама противорѣчитъ сообщаемому имъ извѣстію: все говоритъ въ немъ за французскій подлинникъ, всѣ попадающіяся романскія слова явно заимствованы съ французскаго. Такого рода фактъ не ускользнулъ и отъ Форіэля, но вмѣсто того, чтобъ оставить свою гипотезу, онъ старается доказать ее. Трудно предположить, чтобъ французскій языкъ, на которомъ Форіэль передалъ приключенія Персеваля, означалъ у Вольфрама фонъ Эшенбаха что-то болѣе широкое и общее, куда входитъ и *langue d'oc* и *langue d'oïl*. За то возможно другое предположеніе, что Гийо былъ дѣйствительно провансалецъ, но писалъ по французски — и вслѣдъ за этимъ Форіэль собираетъ факты въ подтвержденіе такой комбинаціи: трубадуры не только вліяли на труверовъ сѣверной Франціи, они даже писали для нихъ. Всего интереснѣе, что въ той же главѣ, гдѣ все это доказывается, упомянуть и Guyot de Provins, авторъ Bible Guyot, но безъ всякой связи съ главнымъ вопросомъ. Между тѣмъ этотъ Guyot de Provins и оказался впоследствии тѣмъ воображае-

мымъ Гийо провансальцемъ, надъ отысканіемъ котораго такъ трудился Форіэль. Provens — провансальскій; на недоразумѣніи нѣмецкаго поэта построена система о провансальцахъ, писавшихъ на французскомъ языкѣ.

Въ отдѣлѣ лирической поэзіи трубадуровъ Форіэль отводитъ цѣлую главу на такъ называемый «genre populaire». Интересно посмотреть, что онъ подъ этимъ разумѣетъ. Невозможно предположить, говоритъ онъ, чтобы воображеніе поэта, какъ бы развито оно ни было, не почувствовало себя стѣсненнымъ узкими рамками той поэтической системы, которая произвела провансальскую метрику и такъ называемую «трудную риму». Стремленіе къ большей свободѣ, къ нестѣсненному выраженію личнаго чувства должно было выразиться такъ или иначе. Всего естественнѣе было ему выразиться въ приближеніи къ народной пѣснѣ. Такъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ Форіэль: введеніе диалогической формы, птицы-вѣстники отъ трубадура къ его милой, пастореты, баллады (un petit poème destiné à être chanté en dansant),aubad'ы (albas) — все это Форіэль обнимаетъ однимъ названіемъ: genre populaire. Міла у Fontanals повторяетъ за нимъ то же самое. Намъ кажется, что въ томъ видѣ, въ какомъ эти стихотворенія народнаго стиля дошли до насъ, они не представляютъ ничего народнаго. Вся разница между ними и тѣми, на которыхъ легла позднѣйшая печать болѣе искусственной метрики сводится къ различію трудной и легкой римы (cargas, lengieras rimas); все различіе въ формѣ, не въ отношеніи къ предмету. Это отношеніе, точно такое же вычурное, неоткровенное: тамъ и здѣсь, недостаетъ непосредственности народнаго чувства. Очень вѣроятно, что эти болѣе простыя формы и были когда-то народными, но чтобы сдѣлать объ этомъ вѣрное заключеніе у насъ недостаетъ критериума. Изъ той поры до насъ не дошло ни одной народной пѣсни, а пѣсни современныхъ романскихъ народовъ часто сами выросли на почвѣ, подготовленной искусственной лирикой. Любопытно сличить въ этомъ отношеніи пѣсни трубадуровъ съ произведеніями итальянскихъ поэтовъ XIII вѣка и потомъ на разнѣхъ пяти вѣковъ до современной народной пѣсни встрѣчать отголоски одного и того же мотива. При общей страсти къ сравненіямъ, взятымъ издалека, нельзя не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на общихъ отличіяхъ романской народной поэзіи отъ пѣсенъ германскихъ и въ особенности славянскихъ народовъ. Свѣжіе всходы тамъ и здѣсь, но между ними пропала цѣлая зима. Нѣмецкая сказка

гораздо ближе къ эпохѣ переселенія, когда создались эпическіе круги Сигфрида и Дидриха; стоитъ сравнить собранныя Гриммомъ *Sigfriedmarchen* съ сагами Эдды о Нифлунгахъ, почти не мѣняя почвы, оставаясь въ одной и той же средѣ. Пѣсни романскихъ народовъ (за исключеніемъ развѣ румынскихъ) выросли на слѣдахъ развитой городской жизни, гражданскихъ усобицъ, рыцарскаго романа и вѣжливости — мы стоимъ здѣсь на почвѣ трубадуровъ и за ними и черезъ нихъ слышимъ о классическихъ преданіяхъ Рима и Греціи, но и это преданія книжныя. За нарославшими другъ на друга слоями мы не доберемся до твердаго эпическаго грунта; итальянскіе *gisretti* твердятъ безъ разбора о Юпитерѣ и Венерѣ, Неронѣ и Роландѣ, объ Іоаннѣ Богословѣ и тиволийской розѣ. Свѣжее народное чувство, разумѣется, отіосится къ своей задачѣ нѣсколько иначе, чѣмъ искусственная лирика провансальцевъ. Оно честнѣе, навнѣе, оно также часто обращается къ природѣ, только оно любитъ ее; у ней есть свои эпическіе обороты, повторяющіеся мотивы, ходящія выраженія. Эпическое пониманіе лирическихъ мотивовъ — вотъ, по нашему мнѣнію, отличительная черта романской народной пѣсни. Лирическое содержаніе дано долгой исторической жизнью; сословный характеръ исторіи, туго идущей внизу и лихорадочно развивающейся по верхамъ, дало возможность разнымъ средамъ различнымъ образомъ отнестись къ одной и той же идеѣ. Такъ обращеніе трубадура къ природѣ и веснѣ приняло въ итальянскихъ *stornelli* совершенно эпическій оборотъ.

Если Гейзе изъ лирическаго содержанія итальянскихъ народныхъ пѣсенъ выводитъ заключеніе о характерѣ народа, онъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на ходъ исторіи. Сравненіе возможно только между сходными величинами и при сходныхъ условіяхъ, иначе предстоить опасность возвести въ характерическое отличіе субъекта, что объясняется естественными условіями времени.

Мартъ 1863 годъ.

4) Кандидатъ законовѣденія Льва Ждановича.

Отправляясь за границу для спеціальныхъ занятій по предметамъ государственнаго благоустройства и финансоваго права, я рѣшился преимущественно заниматься первымъ, собственно потому, что наука государственнаго благоустройства, составляя у насъ только съ недавняго времени особый отдѣлъ права и самостоятельную науку, представляетъ собою предметъ, весьма мало обработанный